

УДК 94(47).084.8:271.2

А. Н. Кашеваров

ИЗМЕНЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: РЕАЛЬНОСТЬ И МИФЫ

Для религиозной политики советского государства с первых же лет его существования была характерна общая стратегия, направленная на полное вытеснение Русской Православной Церкви из всех сфер жизни общества с перспективой ее полной ликвидации. В соответствии с этими целями властью были выработаны и применялись особые, главным образом, репрессивные приемы «регулирования церковной жизни».

Новое наступление на Церковь, развернувшееся с конца 1920-х гг., имело целью полностью ликвидировать религиозные организации в советском обществе. Повсеместно закрывались храмы и монастыри при массовых арестах духовенства. Несмотря на то, что по Конституции СССР, принятой в 1936 г., священнослужителям предоставлялись гражданские права наравне со всеми жителями страны, государство не видело реальных оснований для существования какой бы то ни было церкви в условиях победившего социализма. Власти запретили единственный печатный орган РПЦ – «Журнал Московской Патриархии». Волна репрессий коснулась всего епископата. В 1937 г. было арестовано 50 архиереев. С этого времени прекратились сессии Синода, на которых рассматривались и решались церковные дела. К концу 1939 г на свободе оставалось лишь четыре правящих архиерея во главе с Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Сергием (Страгородским), являвшимся по существу временным главой Церкви до избрания Патриарха [1, с. 46]. Положение его напоминало плен. Отправляясь однажды в 1939 г. осматривать московские храмы, Местоблюститель сказал на ухо прибывшему из Западной Белоруссии митрополиту Пантелеймону (Рожновскому): «Владыка, помолитесь, прежде, не я вас везу храмы осматривать, а нас везут.... Куда нас везут, сам не знаю»

[2, с. 41]. В оставшиеся еще незакрытыми церкви приходили главным образом пожилые женщины. В целом же к концу 1930-х годов организационная структура РПЦ была фактически разгромлена.

С 1939 г прямое наступление на Церковь было приостановлено. После присоединения Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии и Бессарабии сталинское руководство вынуждено было временно пойти на это, чтобы притушить там антисоветские настроения, связанные, в частности, с представлениями о Советской власти как непримиримо враждебной всякой религии и церкви. Важную роль начинала играть разгоравшаяся вторая мировая война. Советское руководство объективно было заинтересовано теперь в укреплении единства нации, а не в разделяющих ее нападениях на верующих со стороны воинствующего атеизма.

Расширение границ СССР сказалось на масштабах церковной организации. Если в 1938 г. в СССР не существовало ни одного монастыря, а количество православных приходов, по оценкам разных исследователей, колебалось от 150 до 400 [3, с. 338] то к 1941 г. РПЦ имела 64 монастыря и 3.021 действующий храм. Около 3 тысяч из них и все монастыри находились на территориях, вошедших в состав СССР в 1939 – 1940 гг. [2, с. 43].

Несмотря на появившуюся осторожность в политике по отношению Церкви и в 1939–1941 гг. по-прежнему приоритетной задачей в ней считалось строительство безрелигиозного общества. Поэтому и в присоединенных областях намечалось проведение антицерковных мероприятий, уже осуществленных в прежних границах СССР. На Волыни и Западной Белоруссии из хулиганствующих подростков и комсомольцев создавались бригады, которые учиняли скандалы возле церквей во время богослужения, особенно в праздничные дни. В изданной весной 1941 г. Центральным Советом Союза воинствующих безбожников книге «Вторая империалистическая война и церковь» в полном противоречии с логикой заявлялось: «Укрепление обороноспособности страны предполагает и развернутую борьбу с пережитками капитализма в сознании людей и, в частности, с религиозными пережитками. Религиозные организации сплошь и рядом являются пристанищем для всякого контрреволюционного сброда, шпионов, диверсантов...» [4, с. 25]. Даже в июне 1941 г., за несколько дней до начала войны, в статье «Патриотизм и религия», опубликованной в журнале с ха-

рактным названием «Безбожник», столь же бездоказательно утверждалось: «Религия является злейшим врагом советского патриотизма. История не подтверждает заслуг церкви в деле развития подлинного патриотизма» [5, с. 2–3]. Такая установка официальной пропаганды мало способствовала сплочению населения накануне Великой Отечественной войны. Развиться новой волне антирелигиозного наступления помешала война с гитлеровской Германией.

Накануне Великой Отечественной войны советскому руководству казалось, что коммунистическая партия близка к достижению провозглашенных целей в области религиозных отношений. «Бесцерковные» и «безбожные» деревни, поселки, города и целые районы насчитывались десятками и сотнями. Согласно проводимым тогда социологическим исследованиям и опросам количество верующих якобы неуклонно и быстро сокращалось. Официальные средства массовой информации и антирелигиозная литература свидетельствовали о «поддержке трудящимися массами курса церковной политики государства, как наиболее полно обеспечивающего свободу совести». Но это была иллюзия. Уже через несколько месяцев после начала войны ситуация кардинальным образом поменялась – началось бурное религиозное возрождение, которое вместе с патриотической позицией Московской Патриархии вызывали необходимость внесения корректив в сферу религиозной политики советского государства.

Первые ростки начавшейся перемены в отношении властей РПЦ проявились еще летом 1941 г., когда прекратилась антирелигиозная пропаганда и перестали выходить такие периодические издания, как «Безбожник», «Антирелигиозник» и т.п. С помощью властей в марте 1942 г. в Ульяновске был проведен Собор епископов, осудивший объявление об автокефалии (независимости от Московской Патриархии) Украинской православной церкви, которое сделал на оккупированных территориях епископ Поликарп (Сикорский) [3, с. 340–341]. В этом же году Патриархия получила возможность пополнить состав своего епископата. Явной уступкой Церкви было последовавшее в апреле 1942 г. разрешение в Москве, Ленинграде и ряде других городов совершать пасхальный крестный ход вокруг храмов с зажженными свечами, на эту ночь отменили комендантский час [6, с. 209]. В ноябре 1942 г. митрополит Киевский и Галицкий Николай (Ярушевич)

был назначен членом Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. Он же представлял Русскую Православную Церковь в созданном тогда Всеславянском комитете. Так как с 19 октября 1941 г. до конца лета 1943 г. митрополит Сергей вместе с сотрудниками канцелярии Патриархии находились в эвакуации в Ульяновске, первые, после долгого перерыва, контакты с представителями власти осуществлял митрополит Николай, руководивший Московской епархией [7, с.274–295]. В 1942 г. в целях разъяснения патриотического курса Московской Патриархии была издана книга «Правда о религии в СССР». Примечательно, что ее напечатали в типографии практически переставшего существовать Союза воинствующих безбожников.

С первых же дней войны, откликаясь на обращение митрополита Сергея «трудами и пожертвованиями содействовать нашим доблестным защитникам», все без исключения приходы начали широкий сбор денежных пожертвований и ценных предметов на нужды обороны. Следует отметить, что с конца 1928 г. государство ввело запрет на любую благотворительную деятельность. Под влиянием военных обстоятельств, требовавших объединения всех усилий народа для разгрома врага, руководство страны смягчило свою позицию в вопросе церковной благотворительности. 30 декабря 1942 г. Патриарший Местоблюститель Сергей, призвав духовенство и верующих к сбору средств на строительство танковой колонны, обратился с телеграммой к Сталину, в которой высказал просьбу об открытии банковского счета для зачисления пожертвований на колонну имени Дмитрия Донского. В ответной телеграмме председатель Государственного комитета обороны дал на это согласие [2, с. 43].

Таким образом, логика обстоятельств военного времени, патриотическая деятельность Церкви и ее возросшее влияние в народе вызвали постепенные положительные сдвиги в государственно-церковных отношениях в 1941–1942 гг. Результатом этого процесса должно было стать официальное подтверждение курса власти на фактическую легализацию и частичное восстановление традиционных форм церковной жизни.

В начале 1943 г. И.В. Сталин и его ближайшее окружение пришли к окончательному решению о необходимости приступить к нормализации государственно-церковных отношений. На это решение повлияла целая

группа внутренних и внешнеполитических факторов. Одно из основных причин был активная патриотическая деятельность подавляющего большинства духовенств и верующих. За полтора года войны, несмотря на отсутствие необходимого аппарата управления, печатного органа и юридического статуса, Православная Церковь показала свою силу в борьбе с фашизмом, сумела во многом расширить и упрочить влияние в стране. Один из руководителей советской разведки П.А. Судоплатов свидетельствовал, что органы госбезопасности в своей записке в правительство, отмечая это обстоятельство, высказали предложение улучшить политическое и правовое положение Православной Церкви. При этом также имелась в виду важная консолидирующая роль Русской Православной Церкви в набиравшем силу антифашистском движении славянских народов на Балканах [8, с. 40].

Определенное значение имело обращение в ходе войны к русским национальным патриотическим традициям. Ход событий на фронте остро поставил вопрос о существовании государства и самом выживании русского народа. В этих условиях пропаганда и агитация приобрели иные, чем прежде черты. Чем хуже шли дела на фронте, тем настойчивее обращалась пропаганда к «великой русской нации» с призывами защитить Отечество. При этом основные догмы официального коммунистического мировоззрения не отвергались и даже не пересматривались, но реальное содержание идеологической работы в массах обрело национально-патриотические черты. Имена Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина и, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова наряду с именем Ленина упоминались Сталиным в его речи на Красной площади 7 ноября 1941 г. как «вдохновляющие образцы» в освободительной войне. Были введены ордена и медали в честь великих русских полководцев, в том числе в июле 1942 г. орден князя Александра Невского, причисленного Церковью к лику святых.

В процессе завершения перехода от интернационального к национально-патриотическому курсу Церкви отводилась роль важного цементирующего компонента. В ней снова увидели опору государственности и патриотизма. Так, в кинохронике начали показывать невозможные еще недавно кадры: в освобожденных городах жители с иконами встречают советских солдат, некоторые из бойцов осеняют себя крестным знаменем, при-

кладываются к иконам; освящается танковая колонна, построенная на пожертвования верующих и т.д.

Советское руководство также стремилось нейтрализовать воздействие гитлеровской пропаганды, представлявшей Германию защитницей христианства в России. Как уже отмечалось выше, на захваченных землях оккупанты в пропагандистских целях выдавали разрешение на открытие церквей. В связи с освобождением некоторых краев и областей на западе и юге страны Московская Патриархия понадобилась для введения в контролируемое русло стихийно возродившейся церковной жизни на территории, подвергшейся оккупации. Примечательно, что на эти земли было направлено почти половина начавшего численно расти епископата Патриархии.

Таким образом, санкция Сталина на изменение государственно-церковных отношений определялась, прежде всего, прагматизмом.

Весной и летом 1943 г. в руководстве страны обсуждался вопрос о том, какому органу поручить проведение новой религиозной политики. Сначала было решено оставить это право за созданным в апреле Наркоматом государственной безопасности. Но уже скоро стало очевидно, что данное направление деятельности ему не удастся – сказывались стереотипы сугубо репрессивного отношения к религиозным организациям, сложившиеся в 1930-х гг., и среди религиозных организаций Наркомат госбезопасности воспринимался как наследник их гонителей – ГПУ и НКВД. Для внешнеполитического имиджа СССР также было полезно хотя бы внешне вывести Церковь из-под контроля спецслужб. В результате возобладало мнение, что при Совнаркоме следует образовать специальный орган, который осуществлял бы связь правительства с Русской Православной Церковью. Тогда же родилась идея встречи Сталина с ее руководством.

К ней стали интенсивно готовиться. С июля 1943 г. начались оживленные переговоры работников НКГБ с представителями Патриархии – митрополитом Николаем (Ярушевичем) и управляющим делами протоиереем Н. Колчицким. Органы безопасности представили И.В. Сталину подробные материалы о состоянии Церкви, наиболее видных ее руководителях, патриотической деятельности духовенства, возможных кандидатах для избрания Патриарха и т. п.

Конкретный момент для намеченной встречи – первые числа сен-

тября – был выбран не случайно. Дело в том, то в начале осени руководители стран антигитлеровской коалиции готовились к первой личной встрече в Тегеране. На Тегеранскую конференцию советское руководство возлагало большие надежды, связанные с открытием второго фронта. Для оказания определенного воздействия на союзников с целью его скорейшего открытия Сталин искал различные способы, включая использование общественных движений в Англии и США по оказанию помощи Советскому Союзу. В числе таких организаций, с руководителями которых Сталин вел личную переписку, был Объединенный комитет помощи Советскому Союзу в Англии в главе с одним из высших деятелей англиканской церкви настоятелем Кентерберийского собора Х. Джонсоном. Этим партнером Сталин дорожил, так как Х. Джонсон имел немалое влияние в союзной стране, где англиканская церковь является государственной религией [3, с. 336–337]. Помимо Х. Джонсона активно включились в движение за скорейшее предоставление помощи Советскому Союзу другие иерархи англиканской церкви, в том числе и архиепископ Кентерберийский Коэмо Г. Ланг, написавший специальную молитву о даровании победы русскому воинству [9, с. 55]. Руководство англиканской церкви в конце лета 1943 г. через посольство СССР в Великобритании обратилось к Советскому правительству с просьбой разрешить визит своей делегации в Москву. Накануне Тегеранской конференции визит делегации был признан Сталиным желательным и полезным. Выигрышно было бы, чтобы главу делегации – архиепископа Йоркского – приняло высшее руководство Русской Православной Церкви во главе с патриархом. Уже одно это сняло бы многие обвинения с СССР за его крайне сложные взаимоотношения с Церковью. Следовательно, внешнеполитические расчеты требовали незамедлительно в начале сентября 1943 г. начать прямой диалог Советского правительства с руководством РПЦ. Инициатива государства встретила ответную положительную реакцию Церкви.

Поздно вечером 4 сентября 1943 г. в Кремле состоялась встреча И.В. Сталина с митрополитами Сергием, Алексием и Николаем, на которой обсуждались первоочередные нужды Московской Патриархии. На встрече также присутствовал В.М. Молотов и ответственный сотрудник «церковного отдела» НКВД Г.Г. Карпов. Была достигнута договоренность, что правительство не будет препятствовать созданию духовных учебных заведений

для подготовки кадров священнослужителей, открытию в епархиях приходов, а также свечных заводов и мастерских по производству и ремонту церковной утвари. И.В. Сталин не возражал и против того, чтобы священники избирались в состав исполнительных органов приходов, а сами приходы имели право отчислять часть средств на содержание епархиальных и общецерковных учреждений. Правительство обещало помощь в издании ежемесячного церковного журнала и предоставило для размещения Патриархии трехэтажный особняк со всей мебелью – резиденцию бывшего германского посла Шуленбурга. Патриарший Местоблюститель коснулся и такой проблемы, как освобождение священнослужителей, находившихся в лагерях, тюрьмах, ссылках, а также о предоставлении возможности совершать богослужение, свободно передвигаться по стране, прописываться в городах тем священникам, которые отбыли наказание в местах лишения свободы [10, с. 60–61].

В беседе со Сталиным митрополит Сергей главной проблемой назвал вопрос о патриархе, подчеркнув ненормальность ситуации, когда в течение 18 лет – после смерти патриарха Тихона в 1925 г. – этот высший церковный пост не замещен. Получив согласие от Советского правительства на избрание патриарха, церковное руководство созвало 8 сентября в Москве Собор епископов, в котором участвовало 19 иерархов. Примечательно, что основной доклад, с которым выступил митрополит Сергей, был целиком посвящен патриотической деятельности Русской Православной Церкви в период войны. Собор принял зачитанное Сергием постановление о том, что «всякий виновный в измене общецерковному делу и перешедший на сторону фашизма, как противник Креста Господня, да числится отлученным (имеется в виду от Церкви – *А.К.*), а епископ или клирик – лишенным сана» [11, с. 18]. Патриархом Московским и всея Руси был избран митрополит Сергей. 12 сентября состоялась торжественное возведение его на патриарший престол, а через неделю в здании бывшего германского посольства, переданного Патриархии, Сергей приветствовал прибывшую из Великобритании делегацию англиканской Церкви во главе с архиепископом Йоркским Кириллом Гарбеттом [12, с. 18–23]. В сентябре 1943 г. вышел первый номер «Журнала Московской Патриархии».

Следовательно, сразу же после встречи в Кремле началась реализа-

ция обсуждавшихся 4 сентября вопросов. 14 сентября было принято постановление Совнаркома СССР об организации при правительстве Совета по делам Русской православной церкви, который возглавил Г.Г. Карпов, а 28 ноября – об открытии Православного богословского института и о порядке открытия церковей. Вновь образованному Совету по делам РПЦ было предоставлено право окончательного решения вопроса об открытии, строительстве или закрытии храмов. К октябрю 1944 г. было открыто более 200 церквей [10, с. 61]. Постановлением Совнаркома религиозным общинам (включая монастыри) было предоставлено право юридического лица в части аренды, строительства и покупки в собственность для церковных нужд домов, строений, транспорта и утвари; снимались ограничения на колокольный звон; местным органам власти предписывалось не чинить препятствий деятельности монастырей [13, с. 212].

Касаясь нормализации государственно-церковных отношений в военный период, некоторые авторы, ссылаясь на церковную публицистику (например, вышедшую в 1993 г. в Троице-Сергиевой лавре книгу «Россия перед вторым пришествием»), выделяют особое значение в этом процессе неких писем и телеграмм, отправленных митрополитом Гор Ливанских Илией Караме советскому руководству. В своих письмах он описывал, как «ему явилась в огненном столпе сама Божия Матерь и объявила, что избран он, истинный молитвенник и друг России, для того, чтобы передать определение Божие для страны и народа российского. Если все, что определено, не будет выполнено, Россия погибнет». Божия Матерь сказала, что «должны быть открыты по всей стране храмы, монастыри, духовные академии и семинарии. Священники должны быть возвращены с фронтов и тюрем, должны начать служить... И теперь хранятся в архивах письма, телеграммы, переданные митрополитом Илией в Москву. Сталин вызвал к себе митрополита Ленинградского Алексия (Симанского), Местоблюстителя Патриаршего престола митрополита Сергия (Страгородского) и обещал исполнить все, что передал митрополит Илия, ибо не видел возможность спасти положение» [14, с. 328]. Однако исследователи не обнаружили в архивах даже следов писем и телеграмм митрополита Илии, о которых упомянуто выше. Согласно сохранившимся источникам, санкция Сталина на изменение государственно-церковных отношений, как уже отмечалось вы-

ше, определялась, прежде всего, прагматическими расчетами, и во время его встречи поздно вечером 4 сентября 1943 г. в Кремле с тремя иерархами Русской православной Церкви, на которой обсуждались первоочередные нужды Московской Патриархии, имя митрополита Гор Ливанских никак и никем не упоминалось. В архивном деле сохранилась запись беседы в ходе этой исторической встречи, сделанная присутствовавшим на ней полковником госбезопасности Г.Г. Карповым [15, л. 1–10].

Можно предположить, что предание о чудесном явлении Божией Матери митрополиту Илие появились в церковной среде не раньше осени 1947 г., когда митрополит посетил Москву и Ленинград. Во время этой поездки при стечении многочисленной паствы он рассказывал, что всю войну день и ночь молился о спасении России.

После выступления советского религиоведа Э.И. Лисавцева на международной конференции «Исторический путь православия России после 1917 г.», состоявшейся в Санкт-Петербурге 2 июня 1993 г., о том, что первая встреча Сталина с Патриаршим Местоблюстителем Сергием состоялась еще в июле 1941 г., некоторые исследователи стали безоговорочно воспроизводить эту версию в своих публикациях [16, с. 27]. Важно подчеркнуть, что Лисавцев не привел никаких убедительных аргументов. Известные исследователям источники также не подтверждают этой версии, получившей распространение также и в периодических изданиях, включая церковные.

Некоторые авторы подробно останавливаются на многочисленных мифах, бытующих среди верующих, об обращении И.В. Сталина в годы войны к религии. Один из таких мифов гласит: «Зимой 1941 г. изрядно смутившийся Сталин вспомнил свое единственное, хотя и незаконченное образование, – Тбилисскую духовную семинарию и призвал к себе в Кремль духовенство для молебна о даровании победы; тогда же чудотворная Тихвинская икона Божией матери из Алексеевской церкви в Тихвине была на самолете обнесена вокруг Москвы и Москву от врага спасла» [17, с. 16]. Однако эта легенда никак не опирается на реальные события. Так, упоминаемая в ней икона Тихвинской Божией матери оказалась на оккупированной немцами территории и уже поэтому ее не могли на самолете обносить вокруг столицы.

Подобного рода легенды из церковной публицистики и периодики некритично переносятся и в научные издания. Так, Л.Н. Аруева в своей книге «Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной вой-

ны» пишет, что в октябре 1941 г. Сталин приезжал в Царицыно к святой праведной Матроне (Никоновой), которая сказала ему: «Красный петух победит. Победа будет за тобой». Зимой 1941 г. Сталин пригласил в Кремль духовенство совершить молебен о даровании победы. Далее Аруева приводит воспоминания монахини Сергии (Клименко) о том, что когда в ноябре 1941 г. из Москвы хотели вывезти мощи благоверного князя Даниила Московского, он явился Сталину и сказал: «Я хозяин Москвы, не трогайте меня, плохо будет» [16, с. 28–29].

Следует отметить, что светские авторы, излагающие подобного рода легенды, большей частью предпочитают их не комментировать, тем самым как бы молчаливо соглашаясь с теми вымыслами, которые не соответствуют исторической действительности. Например, в последнем случае целесообразно было подчеркнуть, что вопрос о вывозе мощей князя Даниила Московского не стоял и в принципе не мог стоять в военный период, ибо после закрытия монастыря в 1930 г. архимандрит Тихон (Баляев) перенес мощи в церковь Воскресения Слоущего, где они находились до 1932 г. Дальнейшая их судьба неизвестна [18, с. 62–63].

Хотя, временами, по свидетельствам современников, Сталин любил цитировать Библию [3, с. 185–186], а при составлении библиотеки для дачи дал указание, чтобы «не было никакой атеистической макулатуры» [19, с. 11], говорить о будто бы проявившейся у него в годы войны религиозности не приходится. И в атеизме, и в религии он видел общественные явления, которые должны служить существующей в СССР системе каждое по-своему.

Истоки приведенных выше и им подобных легенд уходят в военное время и связаны, прежде всего, с заметным ростом религиозности среди широких слоев населения в тот полный драматизма период испытаний и невзгод. В одном из писем с фронта, характеризующих типичную ситуацию того периода, солдат М.Ф. Черкасов писал домой матери: «Мама, я вступил в партию. Мама, помолись за меня Богу» [13, с. 124]. О росте религиозности в армии в годы войны свидетельствуют архивные документы, очевидцы и даже атеистически настроенные советские литераторы, например, писатель В.Ф. Тендряков. Были случаи, когда с фронтов в Главное политуправление Красной Армии посылались телеграммы с просьбами направить в действующую армию материалы с проповедями духовенства

Русской Православной Церкви. О проявлениях религиозных настроений в войсках, как правило, быстро становилось известным в вышестоящих инстанциях, которые в основном ограничивались пассивным наблюдением.

Урегулирование государственно-церковных отношений распространилось и на другие религиозные организации. В октябре 1943 г. Совнарком принял постановление об организации при правительстве Армянской ССР Совета по делам армяно-григорианской Церкви, а в мае 1944 г. – о создании Совета по делам религиозных культов при правительстве СССР. Их права, обязанности и организационная структура строилась по аналогии с Советом по делам Русской православной церкви. Всего же в конце 1943–1944 гг. Совнарком принял более 10 постановлений, касавшихся условий и порядка функционирования религиозных организаций, некоторых льгот духовенства, прав и обязанностей государственных органов, ведавших церковной политикой [6, с. 219].

По мере освобождения территории СССР от немецко-фашистских захватчиков встал вопрос о тех культовых зданиях, которые были открыты в годы оккупации. Для разрешения этого вопроса 1 декабря 1944 г. Совнаркомом было принято постановление «О порядке открытия церквей и молитвенных зданий на территории, освобожденной от немецкой оккупации», в котором местным органам власти указывалось на необходимость воздерживаться от закрытия этих культовых зданий, не препятствовать церковным советам их ремонтировать, а в случае изъятия их под общественные нужды предоставлять верующим иное помещение [10, с. 62].

Для И.В. Сталина было важным, прежде всего, создать видимость благополучия в религиозном вопросе, а за этой ширмой, поставив Церковь под жесткий контроль, встроить ее в систему существующего в СССР режима. Характерно, что вплоть до середины 1950-х гг. Совет по делам Русской Православной Церкви находился под непосредственной опекой органов госбезопасности. Председатель этого Совета Г.Г. Карпов был полковником госбезопасности, его заместитель К.А. Зайцев также был полковником госбезопасности, уполномоченные в областях и республиках подбирались в основном «из чекистов». Примечательно, что Г.Г. Карпов некоторое время совмещал свою новую должность с исполнением прежних обязанностей начальника 3 отдела 5 управления НКГБ, осуществлявшего контроль над

религиозными организациями, и закончил свою карьеру в чине генерал-майора [20, с. 122].

Несмотря на то, что самостоятельность Патриархии была сильно ограничена, государственные органы еще не видели необходимости в проведении специальной кадровой политики, осуществлении отбора лояльных священнослужителей среднего и низшего звеньев. Служба госбезопасности могла без соблюдения какой-либо законности арестовать почти любого нежелательного священника или архиерея. Кроме того, среди партийных работников существовала значительная оппозиция новому «примиренческому курсу религиозной политики. Согласно информационным запискам в ЦК 1944–1945 гг., партийные агитаторы на местах нередко заявляли: «Это решено сейчас, во время войны, потому что союзники нам предложили, а после войны изменится отношение к церкви» [13, с. 211].

Таким образом, обескровленная и почти уничтоженная Русская Православная Церковь оставалась тем не менее носителем того духовного потенциала, который со всей силой проявился в период испытаний Великой Отечественной войны. Пройдя через гонения и террор первых двух десятилетий Советской власти, Церковь вновь начала возрождаться во время тяжелых испытаний для всего русского народа. Возросший авторитет Церкви был признан Советской властью, которая стала подчеркивать лояльность и патриотическую позицию Московской Патриархии. Именно в эти годы начался новый этап исторического бытия РПЦ, связанный, прежде всего, с ее фактической легализацией государством и частичным возрождением некоторых форм церковной жизни. На состоявшемся 31 января – 2 февраля 1945 г. Поместном Соборе Патриархом был избран митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей (Патриарх Сергей умер 15 мая 1944 гг.) и принято «Положение об управлении Русской Православной Церковью», действовавшее вплоть до лета 1988 г.

Согласно этому положению, Церковь становилась сплоченной иерархически, на всех уровнях соподчиненной организацией. Высшая власть принадлежала Поместному Собору, который при необходимости созывался Патриархом. Последний управлял Церковью вместе со Священным Синодом из шести иерархов. При Синоде действовали учебный комитет, издательский отдел, хозяйственное управление, отдел внешних цер-

ковных связей. Епархии управлялись епископами, назначаемыми Патриархом. Настоятели храмов, в свою очередь, назначались епархиальными архиереями. Проведение Поместного Собора, на который съехалось 204 участника и ставшего единственным, исключая военные и правительственные совещания, собранием такого масштаба в годы войны, способствовало дальнейшему оживлению религиозной жизни в стране [21, с. 322–328].

В период войны сформировалась новая церковная политика советского государства, отличительной чертой которой являлась относительная веротерпимость. Однако, вместо прежних, довоенных приемов регулирования религиозной жизни, нередко выражавшихся в прямых насилиях и терроре, вырабатывались новые, заключающиеся в строгом ограничении и всеохватывающем контроле церковной деятельности со стороны государства. Нормализация государственно-церковных отношений носила частичный и временный характер, так как правовые и административные ограничения на деятельность религиозных обществ, принимавшиеся Советской властью еще с 1918 г., не были сняты. Уже одно это обстоятельство заключало в себе возможность возврата к жесткой церковной политике.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Иоанн (Снычев)**, митрополит. Расколы // Христианское чтение. 1991. № 6. С. 8–49. ISSN 1814-5574
- 2. Васильева О.Ю.** Русская Православная Церковь в 1927–1943 годах // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 35–46.
- 3. Алексеев В.А.** Иллюзии и догмы. М., 1991.
- 4.** Вторая империалистическая война и церковь (материалы к лекции). М., 1941.
- 5. Евстратов А.** Патриотизм и религия // Безбожник. 1941. № 6. С. 2–3.
- 6. Шкаровский М.В.** Русская православная Церковь в XX веке. М., 2010.
- 7. Сурков С.А.** Митрополит Николай (Ярушевич). М., 2012.
- 8. Судоплатов П.А.** «Остаюсь единственным свидетелем...» // Молодая гвардия. 1995. № 5. С. 32–47.
- 9.** Русская Православная Церковь 988–1988. Очерки истории 1917–1988. Вып. 2. М., 1988.
- 10. Одинцов М.И.** Путь длиною в семь десятилетий; от конфронтации к сотрудничеству: государственно-церковные отношения в истории советского общества // На пути к свободе совести. М., 1989. С. 29–72.
- 11.** Осуждение изменников вере и отечеству // Журнал Московской Патриархии. 1943. № 1. С. 18.

12. Пребывание делегации Англиканской Церкви в Москве // Журнал Московской Патриархии. 1943. № 2. С. 18–23.
13. **Шкаровский М.В.** Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999.
14. История Русской Православной Церкви: От восстановления патриаршества до наших дней. Т. 1. 1917–1970. СПб., 1997.
15. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–10.
16. **Аруева Л.Н.** Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны. СПб., 2010.
17. **Паламарчук П.** Сорок сороков. Т. 1. Кремль и монастыри. М., 1992.
18. Московский Данилов монастырь. М., 1988.
19. **Волкогонов В.А.** Сталин и религия // Наука и религия. 1989. № 2. С. 7–12.
20. **Кашеваров А.Н.** Советская власть и судьбы мощей православных святых. СПб., 2013.
21. **Цыпин В.,** протоиерей. История Русской Церкви 1917–1997. М., 1997.